

На правах рукописи

Сергеева Татьяна Сергеевна

**СОСТАВ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ
В ЛЕТОПИСНЫХ ПАМЯТНИКАХ XIII - XV ВЕКОВ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Нижний Новгород – 2010

Работа выполнена на кафедре русского языка ГОУ ВПО «Нижегородский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент
Самойлова Галина Савельевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Климкова Людмила Алексеевна
(Арзамасский государственный педагогический институт им. А.П. Гайдара);
кандидат филологических наук, доцент
Кузьмин Илья Витальевич
(Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского)

Ведущая организация: Московский городской педагогический университет

Защита состоится в часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.166.02 в ГОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (603000, г.Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37, ауд. 312).

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке ГОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23).

Автореферат разослан «__» _____ 2010 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

И.С. Юхнова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования определяется особым положением местоимений в системе частей речи. Отсутствие единого категориального значения и собственной морфологической специфики создает лексико-грамматическое своеобразие этого класса слов. Вопросов и проблем, связанных с изучением местоимений, чрезвычайно много. Сложность и «трудноуловимость» их семантики привела к наличию принципиально разных концепций сущности данной группы слов. Как следствие, местоимения и их история до сих пор остаются «наименее изученным разделом исторической грамматики русского языка...даже в плане накопления фактического материала»¹.

Исследование летописных памятников представляется весьма перспективным, поскольку многие ученые (Ф.П. Филин², Б.А. Ларин³, С.П. Обнорский⁴, А.А. Шахматов⁵) считают, что именно в летописях складывались нормы «собственно-древнерусского литературного языка». Тем не менее, вопрос о жанрово-стилевой дифференциации употребления различных элементов языка в древнерусской и старорусской письменной речи изучен сравнительно-историческим языкознанием еще не в полной мере. Русское летописание является оригинальным, сложилось на собственно русской почве, имеет давние традиции и связано со значительным периодом времени в истории письменности (XI-XVIII вв.). Большое количество дошедших до современности летописных текстов позволяет сделать обширный обзор языковых фактов как одного, так и нескольких синхронных срезов. Форма летописи вобрала в себя богатый исторический материал, родовые предания, которые существовали в устной форме, жанр «речей», также имевший давнюю устную традицию, фольклорные элементы. Это позволяет перенести выводы,

---

¹ Борковский, В.И. Историческая грамматика русского языка [Текст] / В.И. Борковский, П.С.Кузнецов. – М., 1963. - с 256.

² Филин, Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка [Текст] / Ф.П.Филин. – М., 1981.

³ Ларин, Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – XVIII вв.) [Текст] / Б.А.Ларин – М., 1975.

⁴ Обнорский, С.П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода [Текст] / С.П.Обнорский. – М., 1946.

⁵ Шахматов, А.А. Разыскания о русских летописях [Текст] / А.А.Шахматов. – М.: Акад. Проект, 2001.

сделанные относительно летописных текстов, на древнерусскую или старорусскую речь того же периода. Поскольку наука располагает летописями, созданными в различных регионах, представляется возможным установить наличие в региональных текстах языковых особенностей в употреблении местоимений и выявить, носят ли они системный характер.

Известно, что наиболее активные изменения в области морфологии древнерусских местоимений наблюдаются с XII-XIV вв., поэтому анализ памятников русского летописания XIII-XV вв. плодотворен не только в плане жанровой принадлежности текстов, но и с точки зрения хронологической отнесенности.

Объектом исследования являются грамматические категории, характерные для местоимений в исследуемых памятниках.

Предметом исследования послужили формы местоимений в летописных памятниках XIII-XV вв.

Цель работы – установить систему форм и особенности функционирования местоимений, употребляющихся в летописях. Указанная цель потребовала решения следующих задач:

1) Выявить характерные для каждого памятника формы местоимений и сопоставить их с парадигмами старославянского, древнерусского и современного русского языков.

2) Дать количественную характеристику выявленных форм и категорий, а также лингвистический комментарий к полученным количественным показателям.

3) Сопоставить данные об особенностях употребления местоимений в летописных памятниках XIII-XV вв. и выявить речевую норму и закономерности употребления форм местоимений, связанные с хронологической и жанровой принадлежностью текстов.

Источники исследования. В качестве источников анализа форм местоимений были использованы три памятника: Новгородская I летопись старшего извода по Синодальному списку (к. XIII в.), Суздальская летопись по

Лаврентьевскому списку 1377 года, Московский летописный свод конца XV века по Уваровскому списку. Таким образом, для исследования были выбраны летописные памятники, культурная ценность которых не подлежит сомнению; создание этих памятников относится к разным периодам, что позволяет при относительном жанровом единстве текстов охватить динамику развития местоимений с конца XIII по конец XV вв.

Методы и методики исследования. При исследовании фактического материала в работе были использованы следующие лингвистические методы и частные методики изучения языковых элементов⁶:

1) *Описательный метод*, подразумевающий качественный анализ и систематизацию языковых элементов. Он требует понимания и теоретического истолкования фактов, поэтому в работе использовались методики наблюдения, описания и сопоставления, реализующиеся в нахождении и письменной фиксации местоимений в летописных текстах XIII-XV вв., а также в определении сходства и различий между ними.

2) *Количественный метод*, направленный на познание количественной стороны языка и речи, количественных закономерностей, связанных с функционированием и развитием языковой структуры. С этим методом непосредственно соотносится статистическая методика изучения лингвистических единиц, опирающаяся на идеи теории вероятностей и математической статистики.

Для реализации данной методики был использован следующий прием:

1. Проведена первичная статистическая обработка текста: а) все случаи употребления анализируемых форм местоимений в исследуемом летописном тексте (n) были приняты за генеральную лингвистическую совокупность; б) в генеральной совокупности была выявлена частота проявления того или иного языкового элемента (m). 2. Вычислена относительная частота (частость)

---

⁶ В данной диссертации это грамматические формы местоимений.

языкового элемента (p) по формуле $(p = m/n)$.⁷ 3. Рассчитана предельная ошибка определения истинной вероятности $(Lp = 2\sqrt{p(1-p)/n})$ ⁸, где 2 – усредненное значение табличного коэффициента (t), обеспечивающее 92-процентную надежность показаний формулы. 4. Определен доверительный интервал $(p \pm Lp)$ ⁹, который был принят за частотную норму в речи. Подобный переход возможен, если принять тезис о том, что «речевая норма использования элемента (единицы) языкового строя ... складывается из качества, размеров функциональной нагрузки и частоты использования соответствующего языкового элемента (единицы, средства)»¹⁰.

Сравнение частотностей языковых элементов производилось путем наложения доверительных интервалов. Расхождение частот считалось существенным (неслучайным, показательным, системным), если доверительные интервалы не перекрывались. При перекрывании доверительных интервалов расхождение признавалось несущественным, то есть отражающим одну употребительность языковых единиц.

Использование математических методов при «систематизации, измерении и обобщении лингвистического материала»¹¹ продуктивно дополняет традиционную качественную интерпретацию результатов исследования.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые история местоименных форм, отраженная в летописных памятниках письменности, рассматривается в контексте эволюции морфологического строя языка. Функционирование форм местоимений различных разрядов рассматривается на материале текстов XIII-XV вв., то есть именно в тот период истории русского

⁷ Пиотровский, Р.Г. Математическая лингвистика [Текст] / Р.Г.Пиотровский, К.Б.Бектаев, А.А.Пиотровская. – М., 1977. - с. 119.

⁸ Там же, с. 217.

⁹ Головин, Б.Н. Язык и статистика [Текст] / Б.Н.Головин. – М.: Просвещение, 1971. - с. 28.

¹⁰ Русинов, Н.Д. Из чего складывается и как действует речевая норма [Текст] / Н.Д.Русинов // Функционирование языка и норма. – Горький, 1986. – с.34.

¹¹ Пиотровский, Р.Г. Математическая лингвистика [Текст] / Р.Г.Пиотровский, К.Б.Бектаев, А.А.Пиотровская. – М., 1977. - с. 5.

языка, который характеризуется всплеском активности в перестройке всей морфологической системы.

Теоретическая значимость диссертации. Результаты исследования важны для разработки теоретических проблем исторической морфологии, для определения статуса местоименных слов в разные периоды существования языка. Фактический материал, полученный в ходе исследования, может послужить эмпирической базой для изучения истории местоименных слов, а также генезиса летописных памятников.

Практическая значимость работы. Сведения по составу и функционированию местоимений в летописях XIII-XV вв. могут быть использованы в качестве иллюстративного материала в курсах «Историческая грамматика русского языка», «История русского литературного языка», а также при организации элективных курсов по истории русского языка. Оформленные в виде таблиц количественные данные могут служить справочными материалами к курсу истории русской морфологии.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были представлены в докладах на конференциях: «Проблемы языковой картины мира на современном этапе» (Международная научная конференция молодых ученых) 2005, 2006, 2007, 2008, 2009 гг.; XII Нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки (2007 г.); XIII Нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки (2008 г.) – очное участие;

По теме диссертации опубликовано 16 работ.

Положения, выносимые на защиту.

1) Местоимения в Новгородской I летописи старшего извода по Синодальному списку, Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку 1377 года и Московском летописном своде конца XV века по Уваровскому списку представлены одинаковым составом лексико-грамматических разрядов, который включает личные, возвратное, указательно-личное, указательные, определительные, притяжательные, вопросительные, относительные, вопросительно-относительные, отрицательные, неопределенные местоимения.

2) В летописной литературе XIII-XV веков местоимение представляет собой динамично развивающийся класс слов, характеризующийся перестройкой лексико-грамматических значений и грамматических категорий отдельных разрядов.

3) Количественные показатели употребительности форм местоимений в летописях имеют единый общерусский характер, что свидетельствует о тенденции к появлению устойчивой речевой нормы.

4) Изменение количественной характеристики (частотности) использования грамматических форм местоимений в речи отражает качественные преобразования в системе языка.

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников и использованной литературы.

Во *Введении* обосновывается актуальность исследования, определяются объект, предмет, цель и задачи работы; дается характеристика источников исследования; описываются методы и методики исследования, обосновывается применение вероятностно-статистической методики.

Первая глава – «Местоимение в истории грамматической мысли» – посвящена вопросу о частеречном статусе местоимений в истории грамматической мысли и в современной лингвистике, принципам классификации местоимений, а также грамматическим категориям местоимений.

Местоимения часто рассматривались и рассматриваются как слова семантически опустошенные или как слова, значение которых ситуационно изменчиво. Наряду с этим есть работы, в которых раскрывается многокомпонентная структура местоименного значения, свидетельствующая о семантической насыщенности их содержания. В диссертации обосновывается позиция признания за местоимениями особого категориального значения и грамматических признаков.

Во *второй главе* – «Формы местоимений в Новгородской I летописи по Синодальному списку» – проанализированы 3533 случая употребления местоимений с точки зрения их лексико-семантической отнесенности и грамматических категорий.

Анализ результатов позволил установить следующее:

1. Характер языка Новгородской I летописи, по данным анализа местоимений, можно оценить как древнерусскую книжную речь. Церковнославянские формы не преобладают над собственно древнерусскими, но поддерживают книжный характер текста.

2. Материал летописи показывает, что в тексте в стадии становления обнаруживаются местоимения 3 лица, категория одушевленности местоимения 3 лица: **и посадиша его въ Пльсковѣ** – форма В.п. местоимений совпадает с формой Р.п. Развившиеся формы следует признать указательно-личными.

3. В кругу местоимений можно отметить практическое отсутствие форм двойственного числа, что вписывается в общую историю категории числа.

4. Предпринятое изучение Новгородской I летописи на материале отдельной микросистемы (местоимения) показывает, что летопись сохраняет довольно много архаических черт в составе и словоизменении местоимений, а также отражает развитие новых явлений, к которым можно отнести:

- разрушение системы числовых противопоставлений: **Изгони Всеволодъ ... внуки Ростиславле ... тако река: «брата моя есте 2 князя повесили вы ... и нѣтү вамъ чясти в Русской земли»;**
- развитие категории одушевленности для нового лично-указательного местоимения :и **убиша ихъ новъгородци;**
- трансформацию системы кратких форм личных местоимений: **на заутрие обрѣтєся крѣст честный;**

В *третьей главе* – «Формы местоимений в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку 1377 года» – проводится анализ форм местоимений Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку 1377 года. В данном

памятнике выявлено 6067 местоименных форм, результаты их исследования позволяют сделать следующие общие выводы:

1. Самая высокая частотность в кругу именного склонения принадлежит возвратным местоимениям. Наиболее частотными среди неличных местоимений оказались притяжательные, указательные и определительные местоимения. Это согласуется с данными других исследователей (Н.Д.Русинова, Е.А.Колтуновой). Так, для деловых документов XIV-XV вв. наиболее употребительными являются группы указательных, притяжательных и определительных местоимений, что соответствует полученным нами результатам.

2. Среди местоимений, обладающих категорией рода, были выявлены формы всех трех родов (мужского, женского и среднего). По частоте употребления местоимения мужского рода значительно превосходят местоимения в женском и среднем роде, а расхождение в употреблении последних оказалось несущественным, то есть функционирование категории рода местоимений в летописи близко к современному.

3. Местоимения Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку обнаруживают троичное числовое противопоставление, характерное для древнерусского языка. Однако выявленные формы двойственного числа малочастотны и зачастую заменяются формами множественного числа. Этот факт свидетельствует о постепенной трансформации представления человека о конкретной множественности в абстрактную множественность.¹² Таким образом, категория числа местоимений в исследованном памятнике представлена в своей эволюции, на этапе перехода к своему современному состоянию.

4. Для именного склонения наибольшей употребительностью характеризуются формы винительного и дательного падежей. Частотность именительного, родительного, творительного и местного падежей оказалась

---

¹² Возможно и другое объяснение причин утраты двойственного числа. См.: Жолобов, О.Ф. Историческая грамматика древнерусского языка. Двойственное число [Текст] Т.2 / О.Ф. Жолобов, В.Б. Крысько. – М.: Азбуковник, 2001.

низкой. В кругу местоименного склонения главенствующее положение принадлежит также винительному падежу. Наименее частотны творительный и местный падежи. Именительный, родительный и дательный падежи занимают промежуточное положение. Такое распределение падежных форм в целом совпадает с результатами, полученными при исследовании других памятников того же периода.

5. В тексте Лаврентьевской летописи функционируют как старославянские, так и древнерусские формы местоимений (исконные и новые). *Например: присластася ... всеволодъ и володимеръ ... рекоуще ты ... братъ наю старѣишии* – правильное употребление формы дв.ч. *Но: молвита* (Добрынька и Радило – Т.С.) с *чимь вась князь прислалъ* – форма дв.ч. заменена формой мн.ч.; *явиса звѣзда ... и бѣ ѿ нея луча* – церковнославянская флексия ж.р. ед.ч. Р.п.; *не жда иноѹ помощи* – исконная древнерусская флексия; *тон же зимы* – новая древнерусская флексия.

Таким образом, наличие, а в отдельных случаях и преобладание, архаичных и церковнославянских форм говорит об определенном архаизме системы местоимений исследованного памятника. Однако выявление новых форм свидетельствует об изменениях, происходящих в древнерусском языке конца XIV в. и отраженных в летописи. Следует отметить, что памятник, по мнению ученых, переписывался двумя писцами разной выучки, поэтому перспективным может оказаться исследование отдельных частей Лаврентьевской летописи в целях установления зависимости использования языковых единиц от языковой образованности переписчика.

Четвертая глава – «Формы местоимений в Московском летописном своде конца XV века по Уваровскому списку» – посвящена анализу местоимений Московского летописного свода конца XV века. В указанном памятнике было выявлено 22 498 словоупотреблений местоимений. Результаты проведенного исследования позволяют выделить две противоположные тенденции в области местоимений Московского летописного свода конца XV века:

1. Местоимения, выявленные в исследованном памятнике, обладают рядом архаических черт.

В группе именного склонения к таким чертам можно отнести:

- наличие (и даже преобладание) старославянской формы аз(ъ): **се азъ отхожду уже от вас; азъ имъ противенъ всѣм;**
- активное употребление кратких форм: **се во мя выгнал из города; аз вдам ти город; царь зовет тя ; во истину поведаша ми ;**
- свободное положение в предложении архаической формы В.п. ся: **и мало ся его оста; а за тебе можем ся бити;**

В кругу местоименного склонения к архаическим особенностям относится употребление местоимения онъ в атрибутивной функции: **помолился изыде и возрѣвъ на онъ народъ; а стрѣлица она... камена вяху;** использование конструкций с одним отрицанием: **но никто же бѣ утешаяи.**

2. Анализ местоименных форм Московского летописного свода позволяет выявить некоторые особенности, являющиеся новыми для старорусского языка и сближающие систему местоимений конца XV века с современной:

- формирование «множественного числа величия»: **вы... били челом мнѣ...о том, что мы, великие князи, гнѣвъ положили...на Новгород;**
- наличие «новой» формы В.п. возвратного местоимения (частицы) съ: **не имаетесь по числом; велѣлъ им... стеречись от казани;**
- флексию -а в Р.п., В.п. ед.ч. личных и возвратного местоимений: **не токмо кыевъ за себя взя, но и тѣровъ и пинескъ ꙗ меня отня;**
- формы, говорящие об активном становлении личного местоимения 3 лица; примеры выражения категории одушевленности (включая случаи, когда речь идет о животных и т.п.): **и сѣкоша его мечи и саблями; идетъ на него рать; велѣ погрести его (коня – Т.С.) в землю.**
- стирание родовых различий во мн.ч.: **придоша к нему Берендичи вси, и Торци и Печенѣзи и весь Черныи Кловѣкъ, и водивъ ѣ ротѣ;**

О динамике языковой системы свидетельствует также увеличение многообразия основ неличных местоимений.

Таким образом, Московский летописный свод в большей степени, чем Новгородская I летопись и Суздальская летопись отражает формирование новой системы местоимений.

Сравнительный анализ названных памятников позволяет сделать следующие выводы:

1. выводы, касающиеся личных и возвратного местоимений

Сравнительный анализ состава и употребления форм личных и возвратного местоимений в исследуемых летописных текстах свидетельствует о несомненном сходстве и стабильности в употреблении грамматических форм личных и возвратного местоимений в следующих случаях:

а) количественный анализ падежных форм личных и возвратного местоимений показывает, что Новгородская I летопись, Суздальская летопись и Московский летописный свод обладают идентичным (с точки зрения статистики) распределением форм. Наиболее активными являются местоимения в В.п., вторыми следуют формы Д.п., группа И.п.-Р.п.-Д.п. занимает промежуточное положение при равной употребительности, М.п. малочастотен. При этом следует отметить, что частотности наиболее употребительных падежей в трех исследуемых памятниках чрезвычайно близки: для В.п. это $0,664 \pm 0,030$; $0,728 \pm 0,023$; $0,649 \pm 0,012$ при перечислении памятников в хронологической последовательности, для Д.п. – $0,143 \pm 0,023$; $0,127 \pm 0,017$; $0,159 \pm 0,010$;

б) исключительной близостью характеризуется распределение частотности семантических групп в рамках именного склонения. Во всех трех летописных текстах наиболее употребительными оказались формы возвратного местоимения ($0,730 \pm 0,029$ в Новг. I лет., $0,712 \pm 0,023$ в Сузд. 1377 г., $0,679 \pm 0,012$ в Моск. лет. своде от всех форм именного склонения). Второе по частотности место занимают личные местоимения 1 лица ($0,176 \pm 0,025$; $0,182 \pm 0,020$; $0,192 \pm 0,010$ при перечислении памятников в хронологической

последовательности), наименее употребительным оказываются формы 2 лица ($0,094 \pm 0,019$; $0,106 \pm 0,016$; $0,129 \pm 0,009$);

в) все исследованные летописные памятники характеризуются высокой активностью кратких форм личных и возвратного местоимений. Для Новгородской I летописи употребительность указанных форм составила $0,827 \pm 0,027$ от всех форм Д.п. и В.п., для Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку 1377 года – $0,861 \pm 0,019$, для Московского летописного свода конца XV века – $0,802 \pm 0,012$;

г) все рассмотренные летописные памятники отражают формирование возвратной частицы на базе краткой формы В.п. возвратного местоимения, которая в количественном отношении формирует большую часть состава кратких форм всех местоимений. В тексте Новгородской I летописи она представлена в виде **ся**, в Суздальской летописи – в виде **сѧ** и **си**, а в Московском летописном своде – как **ся**, **си** и **сь**. О процессе формирования возвратной частицы свидетельствует слитное написание упомянутых форм с глаголами и причастиями, являющееся количественно подавляющим по отношению к дистантно употребленным кратким местоимениям того же падежа. Помимо этого формального признака, следует отметить утрату лексической, фонетической и морфологической самостоятельности форм **сѧ** (**ся**), **си**, **сь**: они функционируют и в пассивных конструкциях, и в безличных предложениях и т.п.;

д) во всех исследованных летописных текстах формы дв.ч. оказались низкочастотными, при этом в большинстве случаев они заменяются исконными формами мн.ч.

Вместе с тем, следует отметить различия и особенности функционирования грамматических форм личных и возвратного местоимений в исследуемых летописных текстах, которые проявились в следующем:

а) у личных местоимений 1 лица в И.п. ед.ч. во всех трех памятниках используются формы **ѧз(ъ)**, **яз(ъ)**, **я**. Однако употребительность форм с разными основами неодинакова: в Новгородской I летописи преобладают

исконные древнерусские формы (частотность **язъ** составляет $0,714 \pm 0,242$ от всех форм 1 лица И.п. ед.ч.), тогда как Суздальская летопись и Московский летописный свод отражают преобладание церковнославянских основ ($0,600 \pm 0,196$ и $0,645 \pm 0,071$ соответственно, причем расхождение между частотами можно считать несущественным). Употребительность исторически новой формы **я** во всех трех памятниках можно охарактеризовать как низкую и статистически не различающуюся;¹³

б) только Московский летописный свод конца XV века отражает функционирование форм 1-2 лица мн.ч. в качестве указания на одно лицо (говорящего или собеседника) – множественное число величия. Примеры эти немногочисленны, однако стабильны (регулярно появляются в тексте летописи, начиная с погодной записи 1477 года);

в) в Московском летописном своде конца XV века выявлены формы Р.п., В.п. **меня, тебя, себя**, совпадающие с современными. Употребительность таких местоимений низка¹⁴, однако само их наличие говорит о динамике в системе местоимений – в исследованных памятниках более ранней хронологии (Новгородской I летописи, датируемой концом XIII века, и Лаврентьевской летописи 1377 года) подобные формы отсутствуют;

г) анализ личных и возвратного местоимений показывает, что в Д.п. и М.п. ед.ч. функционируют формы, различающиеся гласным основы. Местоимения, имеющие в основе **о**, – собственно древнерусские, гласный **е** маркирует церковнославянские формы. В Новгородской I летописи в Д.п. ед.ч. функционируют формы с основами обоих типов, причем местоимения с древнерусской основой преобладают ($0,917 \pm 0,071$ от всех полных форм данного числа и падежа), в М.п. ед.ч. выявлены только формы с корневым **о**. В Суздальской летописи в Д.п. и М.п. ед.ч. выявлены только древнерусские формы. В Московском летописном своде церковнославянские и древнерусские основы в указанных формах можно назвать равноупотребительными (в Д.п.

¹³ частота употребления составила $0,143 \pm 0,187$ для Новгородской I летописи, $0,080 \pm 0,109$ для Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку 1377 г. и $0,005 \pm 0,011$ для Московского летописного свода конца XV в.

¹⁴ $0,026 \pm 0,005$ от форм Р.п. и В.п.

частотность местоимений с корневым **о** составила $0,501 \pm 0,054$ от всех полных форм данного падежа и числа, в М.п. – $0,610 \pm 0,152$).

Таким образом, личные и возвратное местоимения в исследованных памятниках обладают целым рядом общих черт, однако Московский летописный свод конца XV века отражает наличие некоторых «новых» форм, свидетельствующих о трансформации системы местоимений именного типа склонения.

2. Выводы, касающиеся указательно-личного местоимения

Исследование текстов Новгородской I летописи, Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку 1377 года и Московского летописного свода конца XV века показывает, что по составу и особенностям функционирования указательно-личного местоимения названные памятники практически не различаются:

а) во всех летописях выявлены формы указательно-личного местоимения, отражающие исторически новый супплетивизм основ: в И.п. они имеют основу **он-**, а в косвенных падежах – **ј-**. При употреблении местоимения с предлогом к основе присоединяется согласный [**н'**];

б) во всех трех рассмотренных памятниках указательно-личное местоимение в В.п. представлено двумя типами форм: исконными (типа **и**, **ю**, **к** и т.д.) и «новыми», совпадающими с формами Р.п. (**его**, **ея** и т.д.). Это связано с развитием в языке категории одушевленности. Примечательно, что «старые» формы преобладают в текстах Новгородской I летописи и Суздальской летописи (частотность неисконных форм составила $0,303 \pm 0,053$ и $0,295 \pm 0,043$ от всех форм В.п. соответственно), однако самый поздний по времени создания Московский летописный свод конца XV века отражает количественное превосходство «новых» форм ($0,607 \pm 0,037$ от всех форм В.п.). Однако данные исследованных памятников не позволяют говорить о том, что к концу XV века окончательно сформировалось личное местоимение 3 лица: в В.п. продолжают использоваться исконные формы. Кроме того, в ряде случаев в функции

личных местоимений 3 лица используются собственно указательные местоимения.

3. Выводы, касающиеся неличных местоимений

Исследование летописных текстов XIII-XV вв. показывает, что в кругу неличных местоимений они обладают значительной близостью как по количественным, статистическим характеристикам, так и по особенностям функционирования выявленных лексико-грамматических разрядов:

а) в рассмотренных летописных памятниках были выявлены неличные местоимения одинаковых семантических разрядов (указательно-личные, указательные, определительные, притяжательные склоняемые, притяжательные несклоняемые, вопросительно-относительные, вопросительные, относительные, отрицательные, неопределенные), однако наполняемость некоторых из данных разрядов оказалась различной в разных летописях. Так, семантические группы определительных, относительных, неопределенных, отрицательных местоимений становятся разнообразнее по мере приближения к современности за счет увеличения количества основ внутри разряда;

б) материал всех трех летописных источников показывает, что неличные местоимения указательного, определительного и притяжательного разрядов могли в тексте субстантивироваться. Обращает на себя внимание усиление этой тенденции с течением времени. Особенно ярко это прослеживается на примере притяжательных местоимений: если в Новгородской I летописи выявлено 2 субстантивированные формы, в Суздальской летописи – около десяти, то в Московском летописном своде конца XV века – это уже многочисленные примеры с разнообразной семантикой;

в) категория рода представлена во всех летописных текстах формами мужского, женского и среднего родов. Количественная характеристика этих групп оказывается весьма схожей для исследованных источников. Так, наиболее употребительным оказался мужской род (частотность его использования в текстах составила $0,583 \pm 0,021$; $0,517 \pm 0,020$ и $0,683 \pm 0,007$ при упоминании памятников в хронологической последовательности). Формы

женского и среднего рода в Суздальской летописи оказались равноупотребительными ($0,231 \pm 0,017$ у женского и $0,252 \pm 0,017$ у среднего рода), в Новгородской же I летописи и Московском летописном своде средний род оказался более активным, чем женский. Его частотность составила $0,249 \pm 0,018$ и $0,184 \pm 0,006$ соответственно по сравнению с $0,168 \pm 0,016$ и $0,133 \pm 0,005$ форм женского рода;

г) статистическая картина, определяющая функционирование форм числа неличных местоимений, также выявляет несомненное сходство между исследованными памятниками. Формы ед.ч. по употребительности значительно превосходят мн.ч. и дв.ч. Частотность форм ед.ч. составила $0,624 \pm 0,019$; $0,694 \pm 0,017$ и $0,695 \pm 0,007$ при перечислении памятников в хронологической последовательности. Употребительность мн.ч. составила $0,363 \pm 0,019$; $0,287 \pm 0,017$ и $0,277 \pm 0,007$. Формы дв.ч. во всех исследованных памятниках можно охарактеризовать как низкочастотные;

д) анализ частотного распределения падежных форм неличных местоимений показывает, что наиболее активными во всех рассмотренных летописных памятниках являются формы В.п. и И.п.

Исследование неличных местоимений позволяет выявить специфику их количественного распределения по семантическим группам в разных памятниках. В Новгородской I летописи наиболее активно функционируют указательные (их частотность составила $0,269 \pm 0,017$ от форм всех неличных местоимений), указательно-личные ($0,239 \pm 0,017$) и притяжательные ($0,212 \pm 0,016$) местоимения. В Лаврентьевской летописи наиболее частотными оказываются указательно-личные ($0,297 \pm 0,014$), притяжательные ($0,288 \pm 0,013$) и указательные ($0,213 \pm 0,012$) местоимения. В Московском летописном своде это также указательно-личные ($0,362 \pm 0,007$), притяжательные ($0,267 \pm 0,007$) и указательные ($0,199 \pm 0,006$) местоимения. Стабильно малочисленными во всех трех текстах оказываются неопределенные местоимения ($0,000 \pm 0,001$ ¹⁵; $0,004 \pm 0,002$; $0,003 \pm 0,001$ соответственно).

¹⁵ Реальная частотность – $0,0004 \pm 0,0007$

В *Заключении* сопоставляются и систематизируются результаты анализа форм местоимений трех исследованных памятников: Новгородской I летописи по Синодальному списку, Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку 1377 года и Московского летописного свода конца XV века по Уваровскому списку.

В целом можно сказать, что системы местоимений всех трех памятников имеют несомненное сходство. Это выражается в одинаковом лексико-грамматическом составе местоимений, наличии сходных основ и в особенностях функционирования местоименных форм. На уровне количественного распределения разрядов и форм местоимений в памятниках можно говорить о формировании единой, общерусской речевой нормы и единой динамике системы местоимений. Специфика в употреблении местоименных форм связана с внутрижанровыми различиями отдельных частей летописей, включающих разнородный по содержанию и способам выражения материал.

Сопоставление данных изучаемых летописей позволяет проследить динамику и в процессе формирования подчинительных союзов на базе относительных местоимений. О том, что указанный процесс активно протекает в языке, можно судить по формам относительных местоимений, которые утрачивают согласование с определяемым словом и начинают выполнять только функцию соединения простых предложений в составе сложного.

Основные положения и выводы диссертационного исследования изложены в следующих **публикациях**:

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Сергеева, Т.С. Особенности функционирования местоимений в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку 1377 года [Текст] / Т.С. Сергеева // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. – Чебоксары: Типография Чувашского университета, 2007. – №4. – с. 214-221.

2. Сергеева, Т.С. Отражение форм личных и возвратного местоимений в русских летописях XIII-XV веков [Текст] / Т.С. Сергеева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. – Нижний Новгород: ННГУ, 2008. – №6. – с. 240-245.

Статьи, опубликованные в других изданиях:

3. Сергеева, Т.С. Формы личных и возвратного местоимений в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку 1377 г. [Текст] / Т.С. Сергеева // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: Сборник статей по материалам Всеросс. науч. конф. молодых ученых. – Нижний Новгород: НГПУ, 2004. – с. 135-138.

4. Сергеева, Т.С. Состав неличных местоимений Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку 1377 года как фрагмент языковой картины мира [Текст] / Т.С. Сергеева // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: Сборник статей по материалам Всеросс. науч. конф. молодых ученых. – Нижний Новгород: НГПУ, 2005. – с. 242-245.

5. Сергеева, Т.С. Местоимение в языковом сознании носителя древнерусского языка (теоретический аспект) [Текст] / Т.С. Сергеева // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: Сборник статей по материалам Всеросс. науч. конф. молодых ученых. – Нижний Новгород: НГПУ, 2006. – с. 260-262.

6. Сергеева, Т.С. Особенности структурирования темы «История русского местоимения» в преподавании курса истории русского языка на заочном отделении [Текст] / Т.С. Сергеева // Актуальные проблемы заочного и дополнительного образования в современных условиях: Материалы региональной научно-практической конференции. - Нижний Новгород: НГПУ, 2007. – с. 208-210.

7. Сергеева, Т.С. Особенности функционирования возвратного местоимения в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку 1377 года [Текст] / Т.С. Сергеева // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: Сборник

статей по материалам Всеросс. науч. конф. молодых ученых.– Нижний Новгород: НГПУ, 2007. – с. 298-301.

8. Сергеева, Т.С. Возможности вероятностно-статистического анализа Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку 1377 года [Текст] / Т.С. Сергеева // Нижегородский текст русской словесности: Межвузовский сборник научных статей. – Нижний Новгород: НГПУ, 2007. – с. 265-268.

9. Сергеева, Т.С. Состав и функционирование системы местоимений в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку 1377 года [Текст] / Т.С. Сергеева // XII Нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки. 21-25 октября 2007г. – Нижний Новгород: Гладкова О.В., 2007. – с.152-153.

10. Сергеева, Т.С. Теория местоимения в истории грамматической мысли XIX века [Текст] / Т.С. Сергеева // Сб. Арзамасские филологические чтения-2008. – Арзамас: АГПИ, 2008. – с. 54-57.

11. Сергеева, Т.С. Летописи как лингвистический источник изучения истории местоимений [Текст] / Т.С. Сергеева // XIII Нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки. 19-23 октября 2008г. – Нижний Новгород: Гладкова О.В., 2008. – с. 270-271.

12. Сергеева, Т.С. Особенности употребления и грамматический статус лексемы *оба* в конце XV в. (на материале Московского летописного свода конца XV века по Уваровскому списку) [Текст] / Т.С. Сергеева // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: Сборник статей по материалам Международ. науч. конф. молодых ученых. – Нижний Новгород: НГПУ, 2008. – с. 328-329.

13. Сергеева, Т.С. Аспекты применения вероятностно-статистической методики при изучении истории русского языка (на материале летописей XIII-XV вв.) [Текст] / Т.С. Сергеева // Материалы XLVII международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Языкознание. – 11-15 апреля 2009 г. – Новосибирск: НГУ, 2009. – с. 80-82.

14. Сергеева, Т.С. Особенности субстантивации местоимения *свои* на материале летописных памятников XIII-XV вв. [Текст] / Т.С. Сергеева //

Проблемы языковой картины мира на современном этапе: Сборник статей по материалам Международ. науч. конф. молодых ученых. – Нижний Новгород: НГПУ, 2009. – с. 241-242.

15. Сергеева, Т.С. Развитие профессиональной компетенции студента-филолога в процессе изучения дисциплин историко-лингвистического цикла [Текст] / Т.С. Сергеева // Актуальные проблемы и перспективы современного образования. Материалы II Всероссийских Вахтеровских чтений. – Арзамас: АГПИ, 2009. – с. 252-253.

16. Сергеева, Т.С. Особенности категории числа личных местоимений в Московском летописном своде конца XV в. по Уваровскому списку [Текст] / Т.С. Сергеева // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы восьмой международной конференции. – Владимир: ВГГУ, 2009. – с. 336-338.